

ЭКОЛОГИЯ, ЭКОНОМИКА И ПРАВО

В.И. ЕРМОЛОВИЧ

ПРАВОСПОСОБНОСТЬ И ДЕЕСПОСОБНОСТЬ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВА СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРБИИ И СТРАН ЕВРОПЫ) (ЧАСТЬ 2. НАЧАЛО В № 5 2006 г.)

Особый интерес вызывает вопрос правоспособности иностранцев в феодальной Сербии. Имеющиеся в нашем распоряжении правовые источники (Грамота князя Милутина — Дубровчанам (1289), в которой регламентируются их права на владение землями и виноградниками на территории Сербии; договор сербского правителя Стефана Лазаревича с Венецией (1423) и переписка флорентийского правительства с сербским деспотом (правителем — В.Е.) (1434) по поводу получения наследства Якова де-Сан-Миньято, оставшегося в результате смерти его родного брата Иеронима, находящегося длительное время на сербской службе) свидетельствуют, что правоспособность некоторых иностранцев была весьма широкой на территории средневековой Сербии [9, 19]. Они имели право на владение даже недвижимым имуществом. Но из этого не следует, что правоспособность в феодальной Сербии была одинаковой для всех иностранцев. Обычно за иностранцами признавались права в области обязательственного и договорного права, если они находили отражение в правовых документах. Например, в 1423 г. Стефан Лазаревич по окончании войны с Венецией заключил с ней мирный договор, по которому позволил венецианцам всех сословий и званий владеть недвижимой собственностью на территории Сербии [9, 19]. Однако в другом договоре (1442), заключенном между Венецией и Дривастской общиной — одним из регионов средневековой Сербии, который сохранил автономию, предусматривалась ликвидация всех виноградников, принадлежащих иностранцам, воспрещалось им вести строительные работы, не отвечающие интересам коренных жителей общины, а также указанный договор запрещал албанцам владеть прониями на территории округа, т.е. правоспособность иностранцев была значительно ограничена в данном регионе Сербии [20, 65].

Следует отметить, что правовой статус иностранцев в средневековой Сербии был весьма благоприятным. В средневековой Европе подобным состоянием правоспособности иностранные граждане пользовались наряду с сербским государством, пожалуй только в Русском (Московском) централизованном государстве и Болгарии.

Виктор Иванович ЕРМОЛОВИЧ, кандидат исторических наук, докторант кафедры теории и истории государства и права Белорусского государственного университета.

Правоведы Западной Европы (Италии и Франции) уже в XIII в. разработали основы международного частного права, которые базировались на правовых нормах рецепированных из Кодекса Юстиниана [21, 28]. В истории права они получили название “*Cunctos populos*”. Одним из авторов был Каррола де Тоссо. Однако широкого правоприменения в условиях средневековой Западной Европы они не получили. Данные нормы использовались только при наличии двусторонних договоров между государствами.

Даже в XVI в. законодательство передовых европейских стран существенно ограничивало правоспособность и дееспособность иностранцев на территории своих государств. Наглядным примером этому является Статут Великого княжества Литовского (1529), где ст. 3, раздела III гласит: “...обязуемся и обещаем, что в наших землях того Великого княжества ни мы, ни наши потомки никому из чужестранцев не будем давать в собственность и в держание земель, замков, городов и каких-либо званий и чинов, но только местным уроженцам тех земель названного выше нашего Великого княжества” [22, 148]. Кроме того, иностранные купцы на территории Великого княжества Литовского ограничивались регламентацией договорных отношений и в наследовании имущества [23, 49].

Русские князья, а позднее и государи признавали право иностранных граждан торговать в пределах подвластной им территории и соответственно добивались такого же права для своих граждан. При этом русское правительство понимало, что торговля между государствами не может иметь места, если купцы будут подвергаться насилию при выполнении своих функций. Выступая за уважение прав купцов, на Руси отстаивали идею “повольного торгога”, полагая, что никто не вправе диктовать купцу цены на его товары. “В нашем государстве торгуют повольною торговлей, купят и продают и меняют по, что чего стоит”, — писал царь Федор (годы царствования 1584—1598 — *В.Е.*) шаху Ирана, призывая его создавать такие же условия и для русских купцов [24, 208].

Постоянный спутник торговых отношений — споры между сторонами, участвующими в торговле, и от того, как они разрешаются, во многом зависит состояние международной торговли. Следует отметить, что и по отношению к этим вопросам у русской правовой мысли были известные достижения как с точки зрения охвата правового “спектра” спорных дел, так и с точки зрения методов их разрешения. В первую очередь необходимо сказать признанном на Руси праве иностранцев на судебную защиту своих интересов, весьма важном требовании “истцу знати своего истца”, принципе равенства сторон в процессах граждан различных государств, требовании судить “по правде”, а также основном условии любой системы правосудия, чтобы “суженого не посуживати”, принципе исполнения принятых решений и т.д. [25, 26].

Вместе с тем свобода торговли в русских княжествах не была в период средневековья безграничной. Иностранцев не пускали в страну во время эпидемий, им запрещали ввозить некоторые виды товаров (например, табак), их задерживали при отклонении от торговых маршрутов, при попытке осмотреть крепости и т.д. [27, 335; 28, 547—550].

Проводимые мероприятия со стороны Русского централизованного государства имели вполне определенный смысл — поставить деятельность купцов и иноземных гостей в нормативно очерченные рамки торгового, хозяйственного, технического, военного и культурного сотрудничества, соответствующих той цели, ради которой они прибыли в страну.

Значительный интерес для нас представляет рассмотрение правоспособности иностранцев и в средневековой Болгарии. О правоспособности иностранцев в этой стране мы можем судить по нескольким дошедшим до нас международным договорам — договоре хана Тервеля с Восточной Римской империей 716 г., Дубровницкой грамоте Ивана Асеня II от 1230 г., дарственной грамоте Ивана Александра, выданной венецианцам, договоре Михаила Асеня с Дубровником, заключенной в июне 1253 г., и договоре добруджанского князя Иванко с генуэз-

цами 1387 г. Вышеназванные договоры и грамоты являют нам примеры обладания иностранцами широкой правоспособностью в эпоху средневековья [29, 178; 30, 42, 136, 185; 31, 88].

Однако это обстоятельство не должно сформулировать у нас точку зрения, что все иностранцы в средневековой Болгарии были правоспособными. Необходимо было издавать специальные правовые акты для определения правоспособности иностранцев в Болгарии. Этот факт показывает, что законодательство не признавало за ними той правоспособности, которой обладало местное население. Если слово “гость” произошло от того же корня, что и латинское слово *hostis* (враг), а переход иностранцев через болгарскую границу влек за собой, согласно древнеболгарскому праву, смертную казнь для пограничной стражи, которая их пропустила, то напрашивается сам собой вывод: правовое положение иностранцев на территории болгарского государства было далеко не благоприятным для последних. Так, в Дубровницкой грамоте Иван Асень II подчеркивал: “Царство мое дает это повеление для Дубровницкой страны, чтобы желанные и верные гости царства моего ходили по всей стране с любимыми товарами” [32, 226]. До издания данной грамоты за дубровницкими торговцами не признавались такие права или, по крайней мере, они были лишены возможности их осуществлять.

Нечто подобное устанавливается и дарственной грамотой Ивана Александра венецианцами, договором Михаила Асеня с Дубровником, договором Иванко с генуэзцами, которые на определенных условиях разрешают иностранным торговцам ввозить товары в Болгарию и продавать их. В дарственной грамоте Ивана Александра венецианцам говорится, что они могут “приплывать и уплывать на своих кораблях и путешествовать с товарами по всему нашему царству здоровыми и в безопасности” [32, 227].

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы свидетельствуют в пользу того, что правоспособность иностранцев (поскольку она существовала) основывалась на международных договорах, заключенных между болгарским царем и соответствующим иностранным государством, или на специальных односторонних грамотах болгарских царей. Поэтому правоспособность иностранцев в средневековой Болгарии не была одинаковой. Обычно за иностранцами признавалась правоспособность в области обязательственного и особенно договорного права. Такая правоспособность признавалась средневековой Болгарией за иностранцами во всех указанных выше договорах и грамотах. Они разрешают иностранцам, которые в них упоминаются, “покупать и продавать свободно” (согласно терминологии Дубровницкой грамоты Ивана Асеня II и договора Михаила Асеня с Дубровником) [32, 227].

Правоспособность различных категорий населения в области наследственных отношений находит отражение в переписке флорентийского правительства с сербским государем в 1434 г. В ней указывается: “Если умрет какой-либо флорентиец, живущий на территории сербского государства, если он не был осужден судом, никто не может распоряжаться его имуществом, кроме самих флорентийцев” [33, 19]. Эта норма свидетельствует, что наследство иностранцев переходило в руки их родственников, при отсутствии же таковых — становилось собственностью государства, подданными которого они являлись.

С состоянием правоспособности иностранцев в области наследственных отношений в средневековой Болгарии нас знакомит выданная венецианцам дарственная грамота Ивана Александра, из содержания которой следует: “...также, если умрет какой-либо венецианец, если он не был осужден судом, никто не может распоряжаться его имуществом, кроме самих венецианцев” [34, 228]. Включение в договор определенного условия, регулирующего наследственные права иностранцев, показывает, что в принципе их наследство не передавалось их близким. Оно, вероятно, переходило в силу так называемого *droit d’aubaine* в пользу болгарского государства. “Также, — говорится в договоре, — если умрут дубровницкие люди или торговцы с завещанием или без за-

вещания на землях твоего святого царства... и у них не было дружины, то имущество этого умершего должно быть сохранено твоим святым царством и передано тому, кто был бы послан за имуществом вышеуказанного умершего с письмом от господина дубровницкого князя” [35, 153]. Согласно цитируемому тексту выходит, если нет налицо указанных предпосылок, то имущество умершего иностранца остается болгарскому государству.

Русское централизованное государство в вопросах о наследовании принадлежащего иностранцам выморочного имущества занимало также передовые позиции в сравнении с многими государствами Западной Европы, где имущество умерших купцов присваивала государственная казна. Русское государство выступало за передачу выморочного имущества иностранцев их родственникам. В частности, великие князья Иван III и Василий III были убеждены в том, что передача имущества “в казну после смерти торговых людей” не имеет под собой никаких оснований и является несправедливой. Поэтому они призывали соседей отказаться от подобной практики и устранить преграды на пути развития международной торговли [36, 13, 85, 100; 37, т. 1, 376; т. 2, 138 – 139; 38, 9]. Суммируя сделанные замечания, можно сказать, что Русское централизованное государство наряду со средневековой Сербией и Болгарией существенно способствовали формированию и утверждению начал международного частного права, возглавляя на практике ряд направлений развития правовой мысли.

Причины достаточно широкой правоспособности иностранцев на территории средневековой Сербии следует искать в конкретных экономических и политических условиях рассматриваемого исторического периода. Сербское государство и господствующий класс были заинтересованы в обилии иностранных товаров (оружие, предметы роскоши и т.д.). Местное производство было не в состоянии удовлетворить возрастающий спрос на некоторые товары, и государство, используя право, вынуждено было создавать благоприятные условия для иностранцев на территории Сербии.

Не следует сбрасывать со счетов и материальный интерес средневековой Сербии в этом вопросе. Известны факты, когда государи продавали за деньги иностранцам права и привилегии. Так, в XIV в. правительство вольного г. Дубровника выплачивало ежегодно Сербии 2000 перпер (8 тыс. серебряных р. — *В.Е.*) за права и привилегии, которыми пользовались граждане Дубровника на территории Сербии [20, 39].

Не последнюю роль в этом процессе играло военно-политическое ослабление страны в конце XIV – XV вв., когда имело место непрерывное противостояние сербского государства Османской империи, Венгрии и Венеции. В создавшихся условиях эти государства сумели использовать ослабление Сербии для того, чтобы добиться правового закрепления широких прав и значительных выгод в области имущественных отношений для своих подданных, находящихся на территории Сербии.

2. Дееспособность физических лиц. Дееспособность нельзя отождествлять с правоспособностью. Правоспособность — это необходимая предпосылка дееспособности, поскольку она является признанной законом возможностью для лица быть носителем прав и обязанностей. *Дееспособность* — в средневековом сербском праве сводилась к способности физического лица совершать правовые сделки.

Сербское феодальное право не устанавливало определенного возраста, с достижением которого наступала бы полная дееспособность. Однако имеющиеся в нашем распоряжении источники, которые свидетельствуют о возрасте вступления во владение собственностью членов правящего дома Неманичей, позволяют приблизиться к разрешению вопроса. Так, Дементиан, в хронике “Жизнь святого Симеона и святого Саввы” свидетельствует, что Савва (родной брат первого короля сербов Стефана Первовенчанного, который стал главой сербской православной церкви — *В.Е.*) жил в родительском доме до 17

лет [39, 121]. Другой средневековый автор Феодосий уточняет, что родители желали женить Савву в возрасте семнадцати лет [12, 135], из чего следует, что в жизни Саввы брачное совершеннолетие и вступление в собственное владение стали единовременными событиями. Примечательно в этой связи, что в Древнем Риме периода республики (Законы XII таблиц) дееспособность наступала по достижении совершеннолетия (*pubes* от гл. *pubesco*, т.е. стать *способным к деторождению*). Однако к началу XV в. действующие традиции юридического быта в отношении господствующего класса начинают изменяться. Широкое применение в сербском феодальном обществе в указанный период получили некоторые нормы, заимствованные из византийской “Эклоги”, в которой указывается конкретный возраст, требуемый для совершения различных правовых действий (бракосочетание, завещание, получение приданого и т.д.). Согласно “Эклоге” вступление в брак обуславливалось достижением пятнадцатилетнего возраста для мужчин и тринадцатилетнего — для женщин (“Эклога”, титул II, ст. 1; славянская “Эклога”, титул II, ст. 1). Совершеннолетие в указанный период на практике стало определяться не брачным возрастом, как ранее, а четырнадцатью годами. Подтверждением этому является конкретный фактический материал. Так, племянник великого воеводы Сандала Стефан Вукчич Косач из рода Храничей, принимая от Дубровчан в 1438 г. богатый вклад, сделанный дядей Сандалом на его имя, оставил часть этого вклада в Дубровнике на имя своих сыновей (князя Владислава и Влатка) с условием, что вклад будет там оставаться, пока князьям не исполнится 14 лет [40, 394].

Для сравнения, полная дееспособность в рассматриваемый период в Российском государстве наступала с пятнадцатилетнего возраста, т.е. в указанном возрасте дворянские дети уже могли вступать в управление своими поместьями [41, 120].

В Великом княжестве Литовском правовой обычаем XIV — XV вв. наступление полной дееспособности связывал с наступлением брачного возраста. Брачный возраст для мужчин наступал с 18 лет, для женщин с 15 лет [5, 12]. Однако неженатые лица в этом возрасте, как правило, оставались под опекой своих родителей, т.е. в состоянии ограниченной дееспособности.

Совершеннолетие в средневековой Польше наступало для лиц женского пола в 12 лет, для лиц мужского пола в 14 лет [42, 114; 43, 131]. В данном возрасте можно было уже вступать в брачные отношения. Однако ряд исследователей польского права считает, что полное совершеннолетие, которое влекло за собой полную правоспособность и дееспособность, наступало, по польскому средневековому праву, лишь в 24 года [44, 104 — 105; 45, 106].

В средневековой Германии полная дееспособность для представителей мужского пола наступала по достижении 21 года. Так, ст. 42 “Саксонского зерцала” гласит: “По достижении 21 года мужчина становится совершеннолетним” [46, 34]. В брачные отношения в средневековой Германии лица мужского пола могли уже вступать в двенадцатилетнем возрасте.

Не только несовершеннолетие, но и душевная болезнь вела в соответствии с титулом V, ст. 1 “Эклоги” к признанию лица недееспособным. По сербскому феодальному праву завещания, составленные душевнобольным, не признавались законными. Право ряда европейских стран, в частности Великого княжества Литовского и Польши, уже в XIV в., как и средневековой Сербии, в вопросе определения дееспособности физических лиц принимало во внимание также их психическое состояние. Так в ст. 17 “Вислицкого статута” (средневековая Польша) говорится о том, что в юридических сделках могут участвовать только лица, обладающие полным рассудком (*habentes plenam discretionem*) [47, 13].

Проанализировав правовые источники Великого княжества Литовского XV — XVI вв., профессор Белорусского государственного университета Т.И. Довнар также пришла к аргументированному выводу, что на дееспособность физических лиц оказывали влияние умственное и психическое состояние чело-

века. Психически больные люди (“шалёныя”), а также лица, неспособные осознавать сущность и характер своих деяний (“дурни”), лишались права на личное участие в гражданско-правовых отношениях, в этом их заменили опекуны [23, 49].

Есть основание полагать, что подвластные члены семьи по сербскому феодальному праву также не обладали полной дееспособностью. Титул V, ст. 1 “Эклоги” гласит, что подвластным членам семьи запрещается завещать что-либо, кроме своих личных вещей. Это постановление отражает общий принцип сербского феодального права. Значит, трактовать его надо расширенно, из чего следует, что указанная категория членов семьи не могла не только завещать, но и заключать иные правовые сделки, кроме тех, что касались их личного имущества. Из вышеизложенного следует, что ограничения дееспособности в соответствии с нормами средневекового сербского права устанавливались в зависимости от возраста, семейного положения, состояния здоровья (наличия или отсутствия душевных болезней) и т.д.

Сравнительный анализ норм средневекового сербского права и норм права стран Европы позволяет сделать вывод, что нормы правоспособности и дееспособности физических лиц средневековой Сербии по форме и содержанию соответствовали уровню развития аналогичных норм права передовых стран Европы исследуемого периода.

Литература

1. *Yierke, O.* Deutsches Privatrecht / O. Yierke. — München, 1895.
2. *Colin, A.* Cours élémentaire de droit civil français / A. Colin, et H. Capitant. — 4-e éd. Paris, 1923. Т. 1.
3. *Леонтович, Ф.И.* О значении верви по Русской Правде и Полицкому Статуту, сравнительно с задругою юго-западных славян / Ф.И. Леонтович // Журн. м-ва нар. просвещения (Российской империи). — 1867. — № 4.
4. *Jiří, L.* Bílý Právní dejiny na území České Republiky / L. Jiří. — Praha, 2003.
5. *Доўнар, Т.І.* Грамадзянскае права феадальнай Беларусі XV—XVI стагоддзяў / Т.І. Доўнар. — Мінск, 1997.
6. Statuta Wislickie // Prawo polskie w wieku XIV. — Warszawa, 1881.
7. Zwód zupełny Statutów Kazimierza Wielkiego // Starodawne prawa polskiego pomniki. — Kraków, 1856. — Т. 1.
8. *Ермолович, В.И.* Государство и право Чехии IX—XVI веков / В.И. Ермолович. — Минск, 2005.
9. *Ермолович, В.И.* Право средневековой Сербии (XII—XV вв.) / В.И. Ермолович. — Минск, 2003.
10. Српска льтопис, 1859. — Т XXXIII. — Кн. 99.
11. Закон Судный Людем / под ред. М.Н. Тихомирова. — М., 1961.
12. *Зигель, Ф.* Законникъ Стефана Душана / Ф. Зигель. — СПб., 1872.
13. Животи кральева и архиепископа српских написао архиепископ Данило и други. — Загреб, 1866.
14. “Русская Правда” пространной редакции // Рос. законодательство X—XX вв.: в 9 т. — М., 1984. — Т. 1.
15. Законик Цара Стефана Душана: Студенички, Хиландарски, Ходошки и Бистрички рукопис / уредник акад. М. Беговић. — Београд, 1981. — Кн. II.
16. *Юшков, С.В.* Псковская “аграрная” революция / С.В. Юшков. // Зап. науч. о-ва марксистов. М., 1928. — № 3.
17. *Алексеев, Ю.Г.* Псковская судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV—XV вв. / Ю.Г. Алексеев. — Л., 1980.
18. *Сергъевич, В.* Лекції и изслъдованія по древней исторіи русскаго права / В. Сергъевич. — 3-е изд. — СПб., 1903.
19. Lietuvos metrika. — Vilnius, 1995. — Кн. 8.
20. *Јанковић, Д.* Државноправна историја Југославије / Д. Јанковић, М. Мирковић. — Београд, 1997.
21. *Pazdan, M.* Prawo prywatne międzynarodowe / M. Pazdan. — Wydanie IX. — Warszawa, 2005.
22. Статут Великого княжества Литовского 1529 г. / под ред. К.И. Яблонскаса. — Минск, 1960.
23. *Доўнар, Т.І.* Развіццё асноўных інстытутаў грамадзянскага і крымінальнага права Беларусі ў XV—XVI стагоддзях / Т.І. Доўнар. — Мінск, 2000.
24. *Бушев, П.П.* История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586—1612 гг. / П.П. Бушев. — М., 1976.
25. Духовные и договорные грамоты великих удельных князей XIV—XV вв. — М., 1950. № 53, 54, 59, 76, 79, 196.